

© А.Б. Панченко

Д.А. КЛЕМЕНЦ И ПРОИЗВОДСТВО ЗНАНИЯ О НАРОДАХ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Ключевые слова: Д.А. Клеменц, ориентализм, геополитика, внутренняя колонизация, инородцы, народничество, Центральная Азия

В статье описываются особенности производства знания о народах в Российской империи в контексте дискуссий об ориентализме и внутренней колонизации. Автор выделяет три группы акторов народоведческого дискурса: власть, академическая наука и интеллигенция. В дальнейшем рассматривается научная деятельность Д.А. Клеменца, который на протяжении своей жизни успел побывать в составе каждой из этих групп. Будучи представителем революционной интеллигенции, он выступал от имени народа и при проведении этнографических исследований не сотрудничал с правительством. Став фактическим руководителем одного из отделов Русского географического общества, он действовал как представитель власти по отношению к народам фронта, оставаясь при этом интеллигентом-народником, если речь шла об изучении подданных Российской империи. Заняв пост заведующего Этнографическим отделом Русского музея, он столкнулся с неприятием со стороны власти своих теоретических построений в области этнографии.

DOI: 10.7868/S0869541518020094

Актеры народоведческого дискурса в Российской империи середины XIX – начала XX вв.

Проблема взаимоотношений между властью и научным сообществом в деле производства и использования знаний о “другом” (в терминологии теории колониального дискурса) является предметом широкой дискуссии, в которой принимают участие историки, политологи, этнологи, востоковеды, а также представители других наук. Применительно к Российской империи этот вопрос в последнее время рассматривается через призму споров об ориентализме и “внутренней колонизации”. Как отмечает Мария Тодорова, вне зависимости от того, какие идеи вкладывал в концепцию ориентализма ее автор — Эдвард Саид, в данном случае речь идет о различных подходах к изучению истории России. Считать ли ее уникальным вариантом либо неким локальным “отклонением” от универсальной модели (Тодорова 2005: 344–348)? Сторонники “универсализма” (Халид 2005; Этквинд 2013) говорят о существовании колониального дискурса, в рамках которого ученые-востоковеды и этнографы выступали как агенты власти по отношению к изучаемым народам (как восточным, так и славянским). Натаниэль Найт (Найт 2005), в свою очередь, говорит о невозможности однозначно констатировать существование тесной связи между исследователями и властью, поскольку имеются многочисленные свидетельства, опровергающие это положение.

При этом обе стороны так или иначе признают существование определенной “корпорации” ученых, которая контактирует с властью в вопросе изучения “другого”¹. Но в этом случае полностью игнорируется факт наличия в Российской империи мощного

Алексей Борисович Панченко | <http://orcid.org/0000-0002-6909-3220> | alexeypank@rambler.ru | к.и.н., доцент Кафедры социально-гуманитарного образования | Сургутский государственный педагогический университет (ул. 50 лет ВЛКСМ 10/2, Сургут, Ханты-Мансийский автономный округ, 628417, Россия).

Этнографическое обозрение. 2018. № 2. С. 122–136 |

© Российская академия наук | © ФГУП “Издательство Наука” ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | <http://journal.iea.ras.ru>

пласта “неофициальной” (или даже “антиправительственной”) этнографии, представленной в большинстве своем интеллигентами, не окончившими университет, которые уже в силу этого не могли быть отнесены к академической науке. Об этом мимоходом упомянул Юрий Слезкин, писавший о сибирских областниках и ссыльных народниках, которые, ощущая себя посредниками между государством и “народом”, осмысливали действия правительства в Сибири и на Дальнем Востоке в рамках этого же “российского – но не имперского – противостояния. Среди обвинений, которые они предъявляли режиму, почти никогда не было колониализма или империализма” (Слезкин 2008: 147). К сожалению, этот тезис не получил дальнейшего развития.

Между тем специфика российского народоведения, выводящая его за пределы чисто ориенталистского дискурса, заключается в том, что в нем действовало не два актора: власть – научное сообщество, а как минимум три: власть – академическая наука – интеллигенция, каждый из которых имел свой взгляд на место различных народов в структуре империи, взаимоотношения их между собой и с правительством. Также, как верно указывает Найт, интерес власти к знанию, полученному учеными, был относительно низким и эпизодическим, а не системным (Найт 2005: 328); в тех случаях, когда речь шла о зонах фронта, приоритет часто отдавался военным или гражданским чиновникам, а не деятелям науки.

Необходимость в получении достоверных данных о населении империи привела к тому, что по инициативе Министерства внутренних дел в 1834 г. было запущено создание сети губернских и областных статистических комитетов, а спустя десятилетие – Русского географического общества, получившего в 1849 г. статус Императорского (ИРГО)². Именно этими учреждениями была осуществлена большая часть этнографических исследований в Российской империи, результаты которых время от времени использовались как при организации управления подданными, так и при взаимодействии с пограничными “иностранцами”.

Академическое народоведение в Российской империи было представлено кафедрами российской истории (с 1835 г., в первую очередь, в Московском и Санкт-Петербургском университетах), кафедрами восточных языков (с 1806 г. в Казанском университете, с 1816 г. – в Главном педагогическом институте в Санкт-Петербурге), специализированными востоковедческими институтами (Учебным отделением восточных языков при Азиатском департаменте МИД в Санкт-Петербурге, Лазаревским институтом восточных языков в Москве, позже – Восточным институтом во Владивостоке), а с конца 1880-х годов – кафедрами этнографии и географии в Московском и Санкт-Петербургском университетах. Осмысление истории России шло в духе теории “внутренней колонизации”: мусульманские народы (особенно в Поволжье) изучались востоковедами с позиции ориентализма (Джераси 2004), а университетская этнография, тесно связанная с физической антропологией, балансировала между либеральной концепцией имперского многообразия и националистической идеей унификации/русификации (Могильнер 2008). При этом правительство, как правило, использовало только результаты востоковедческих исследований, практически полностью игнорируя иные аспекты имперского народоведения.

Наконец, интеллигенция в России, представители которой активно занимались изучением народов империи, также не была однородной. Если ее либеральная часть (славянофилы и западники) в целом была готова на диалог с властью, часто выступая в качестве ее агентов в различных вопросах³, то революционная (самыми активными представителями которой были народники) принципиально отказывалась от сотрудничества. В связи с этим значительное число этнографических исследований как русского, так и “иностранческого” населения империи, предпринятых интеллигентами-народниками, попросту игнорировалось властями либо встречало крайне незначительную поддержку, а полученные данные практически не использовались в процессе организации системы управления. Совокупность данных факторов, таким образом, выводила эту деятельность по производству знания за пределы ориентализма.

Столь большое количество разнонаправленно действующих акторов делает невозможным механическое применение концепции ориентализма при изучении истории народоведения в Российской империи. В связи с этим особый интерес представляет деятельность Дмитрия Александровича Клеменца (1848–1914)⁴, который прошел путь от одного из лидеров и основателей народничества к должности фактического руководителя отделения ИРГО, а затем к посту заведующего Этнографическим отделом Русского музея Императора Александра III, оказавшись таким образом связанным и с “интеллигентским”, и с “властным”, и с “научным” народоведческим дискурсом⁵. Анализ его деятельности в этих трех ипостасях позволит лучше понять особенности механизмов производства знания о народах в Российской империи в период ее масштабной модернизации.

Деятельность Д.А. Клеменца как этнографа-народника. В отличие от большинства товарищей-революционеров, Клеменц призывал не только учиться у народа или же, наоборот, учить народ, но, в первую очередь, изучать его, подавая пример соратникам своим отношением к делу. Еще в период “хождения в народ” (1873–1874) он настолько глубоко ознакомился с особенностями песенного творчества, что сочиненные им стихотворения воспринимались современниками как народные, а некоторые из них (в частности, “Барка”, написанное в соавторстве с Сергеем Силычем Синегубом) стали основой для новых песен (в данном случае – “Дубинушки”). В это время Клеменц еще не сформировался как ученый с определенными теоретическими представлениями в области этнографии. Его исследования носили скорее случайный характер, т.к. его основной целью было сближение с русскими крестьянами. Только позже, находясь в эмиграции (1875–1878), Клеменц познакомился с известным французским географом Элизе Реклю, идеи которого о равной способности всех народов к культурному творчеству оказали значительное влияние на его становление как ученого.

Лишь оказавшись в ссылке за свою революционную деятельность⁶, Клеменц смог в полной мере проявить себя как этнограф, изучавший русское и инородческое население Восточной Сибири. Во многом этому поспособствовало знакомство с Николаем Михайловичем Мартьяновым (1844–1904), провизором аптеки в Минусинске и основателем Минусинского краеведческого музея, самого известного регионального музея в Сибири. Долгое время тот сотрудничал с Клеменцем в рамках организации музейной деятельности и выступал в качестве посредника в его переговорах с купцами и промышленниками региона, которые стремились получить сведения этнографического характера, относящиеся к зоне их экономических интересов. Несмотря на отсутствие прямой поддержки со стороны государства (как это было в Британской, Французской или Германской империях), наличие значительных собственных средств позволяло им не зависеть от внешнего финансирования. В частности, серьезный интерес к изучению региона проявлял Иннокентий Михайлович Сибиряков (1860–1901). Он был сыном крупного золотопромышленника и наследником огромного состояния, которое вкладывал, в том числе, в изучение Сибири⁷.

Впервые пути Сибирякова и Клеменца пересеклись в 1886 г., когда Иннокентий Михайлович заинтересовался вопросом положения рабочих на золотых приисках в Енисейской губ. Через Мартьянова он предложил Клеменцу предпринять следующее:

Мне бы хотелось предложить Клеменцу исследовать современное положение приисковых рабочих на приисках Енисейской губернии. Расходы и все другое необходимое для этого я принимаю на себя, кроме того, конечно, оплачу труд г. Клеменца. <...>. Если же удобно (неразборчиво. – А.П.)... пусть Клеменц выра[ботаает]... (неразборчиво. – А.П.) программу исследований... пришлет ее копию... и сообщит, сколько я должен буду уплатить ему за этот труд (АМКМ I: Л. 1–10б).

Дмитрий Александрович к тому времени уже совершил несколько научных экспедиций по Енисейской губ. (как совместно с известным сибирским этнографом Александром Васильевичем Адриановым, так и самостоятельно). В ходе этих поездок он

проводил археологические, геологические и ботанические исследования, а также описал один из субэтносов хакасов – сагайских татар. Изучение же русских приисковых рабочих представляло для Клеменца, как для народника, особый интерес, поэтому он не раздумывая принял предложение Сибирякова.

Однако первый опыт такого сотрудничества оказался не слишком удачным. Проект исследования был рассчитан на три года и носил исключительно прикладной характер. Клеменц должен был провести геологические изыскания, оценить перспективы золотодобычи и предложить варианты улучшения быта промышленных рабочих. В ходе своих поездок по приискам он сосредоточился на изучении социально-экономического положения рабочих, в меньшей степени уделяя внимание возможностям по увеличению добычи золота. За время проведения исследований им было охвачено 258 приисков Мариинского и Кузнецкого округов Томской губ., Ачинского, Минусинского округов Енисейской губ., частично – прииски Южно-Енисейской тайги и Усинского пограничного округа. Опираясь на контракты, расчетные книги и ответы предпринимателей, он изучил быт 7989 рабочих (Федрова 1988: 140). Однако оформить результаты исследования в законченном виде он так и не смог⁸. Одной из причин этого стала переориентация научных интересов Дмитрия Александровича в сторону Центральной Азии, с изучением которой были связаны его последующие годы пребывания в Сибири⁹.

На этнографические изыскания Клеменца в Центральной Азии повлияли особенно геополитической ситуации. Хотя изначально он не занимал официальную должность в каком-либо государственном учреждении, в данном случае он выступал фактически как агент “властной этнографии”, а не представитель народнической интеллигенции. Столь резкий поворот можно объяснить тем обстоятельством, что в данном случае объект исследования – сойоты (современное название – тувинцы) – находился за пределами Российской империи, а потому воспринимался не как “свой” (пусть и “иной”), а как “другой”, изучение которого следует вести в терминах ориентализма и колониализма.

Тогда же Клеменц впервые выступает как представитель российской школы геополитики (см. об этом: Милевский 2015). Именно в это время у него начинает формироваться идея о возможности использования кочевых народов Центральной Азии в противостоении с Китаем в качестве “агентов влияния” (без использования самого термина). Этому тезису предшествовало длительное изучение сойотов, проживающих на границе Российской и Цинской империй, по итогам которого он сформулировал вывод: “Сойот смышлен и хитер и плохой китайский патриот. Он и теперь совершенно спокойно говорит о том, что Белый царь со временем возьмет себе Кемчик и Улукем, и уверяет, что ничего не потеряет, а скорее выиграет от перемены подданства” (Клеменц 1888б: 4). Однако самих сойотов он далеко не идеализировал, отмечая их склонность к грабежу русских торговцев или вымогательству у них “подарков”, а также надменное отношение к русским, что, впрочем, было в некотором смысле ответной реакцией на тягу русских торговцев к наживе за счет населения региона (Клеменц 1888а). Предлагал Дмитрий Александрович и конкретные политические и экономические шаги, направленные на включение Урянхайского края (нынешней Тывы) в сферу влияния Российской империи.

Можно провести некоторые параллели между геополитическими воззрениями Клеменца и взглядами главного эксперта по Центральной Азии на службе у петербургского правительства, генерал-майора и путешественника Николая Михайловича Пржевальского, который выступал ярким сторонником войны с Китаем. Он считал, что китайская армия абсолютно не способна противостоять российской и утверждал, что если Российская империя начнет войну с Цинами, то она выступит в качестве освободителя народов Центральной Азии, которые, по мнению Пржевальского, с нетерпением ждут возможности избавиться от многовекового угнетения. В своих рассуждениях Пржевальский был близок к социал-дарвинизму, считая, что борьба за существование близится к своей наивысшей точке, а потому неуместно мыслить категориями “законности” – необходимо

силой взять те земли, которые необходимы России (*Схиммельпенник ван дер Ойе* 2009: 50–56).

Два путешественника, примерно в одно время посетившие один и тот же регион, пришли к выводу, что Цинский Китай в районах внутренней Центральной Азии является естественным военным противником России. Но если Клеменц опасался агрессии со стороны Китая, хотя и считал, что с ней возможно справиться без особых проблем, то Пржевальский, как было сказано выше, призывал к активным военным действиям. При этом оба исследователя полагали, что важную роль в возможной войне с Поднебесной могут сыграть подчиненные ей инородцы. Таким образом, становится очевидно, что смена объекта изучения с имперских подданных на народ фронта привела к изменению позиции Клеменца – с “интеллигентской” на “правительственную”¹⁰.

Деятельность Д.А. Клеменца на посту правителя дел ВСОИРГО. Зная официальную должность в структуре Восточно-Сибирского Отдела ИРГО (ВСОИРГО), Дмитрий Александрович, осознанно или нет, перешел к использованию риторики, характерной для представителей власти по отношению к академической науке. Если до этого он вполне комплиментарно отзывался о деятельности ученых обществ (особенно Московского археологического общества), то теперь в его работах начали проявляться критические ноты. Впервые они прозвучали в двух статьях под общим названием “Голос из провинции”, написанных им перед отъездом в очередную летнюю экспедицию 1891 г. и опубликованных в газете “Восточное обозрение”. Причиной, побудившей Клеменца высказаться, стал VIII Всероссийский съезд естествоиспытателей и врачей, на котором антропологом Анатолием Петровичем Богдановым было предложено создать Русскую ассоциацию для поддержки науки. Ее структура должна была включать в себя шесть секций: математическую, физико-химическую, геологическую, ботаническую, зоологическую-анатомическую и научно-медицинскую. Поддерживая эту идею в целом, Клеменц выразил недоумение из-за отсутствия в проекте ассоциации политэкономической, статистической и географической секций (в особенности последней, поскольку уже существовало объединение российских географов – ИРГО) (*Клеменц* 1891а).

Для Богданова (и в целом для представителей российской науки) важнее было создание некоей ассоциации для организации съездов представителей академических учреждений, целью которых было бы обсуждение важнейших теоретических вопросов. Планируемая система членских взносов фактически закрывала доступ в ассоциацию региональным музеям и отделениям ИРГО, делая его свободным только для крупных учебных и научных заведений. Клеменц же, наоборот, призывал к развитию науки на местах, видя в этом необходимое условие для полноценного изучения России и практического применения полученных знаний на благо страны. Такими центрами, где возможно соединение теоретической науки и практики, должны были стать, по его мнению, региональные музеи.

Продолжая исследование Центральной Азии, Клеменц неоднократно давал практические рекомендации по освоению региона, подобные тем, что высказывали ученые-этнографы и представители “военной” этнографии на Туркестанском фронтире. Будучи хорошо знакомым со сложившейся в Урянхайском крае иерархической структурой – “сойот стоит неизмеримо ниже монгола; китаец-работник требует к себе особого почитания со стороны монгольского чиновника, а маньчжур-писарь считает себя равным генералу из монголов” (*Клеменц* 1891б: 13), – он призывал представителей русской администрации не оставлять без внимания произошедший инцидент между сойотами и русским торговцем, который был подвергнут наказанию палками со стороны мелкого урянхайского чиновника. Клеменц указывал, что, если проигнорировать случившееся, то неизбежно возникнут затруднения при взаимодействии с местным населением, которое будет относиться к русским без должного уважения.

Кроме того, Клеменц предлагал начать сельскохозяйственное освоение Центральной Азии:

Русские скотогоны и золотопромышленники пока единственные лица, ведущие дела в Урянхах; но не для них одних представляет интерес этот край. О золотопромышленности поведем речь потом, о скотогонах было писано уже довольно много, но почти ничего не говорилось об урянхойской земле, как колонии земледельческой, а она слывет и в Монголии страну хлеба (*Клеменц* 1892: 10).

При этом он считал, что в данном случае использовать сойотов как агентов влияния не представляется возможным в силу отсутствия у них навыков ведения сельского хозяйства:

Другое дело, если бы там было допущено земледелие русское. Оно, во-первых, дало бы возможность русские прииски кормить засаянским хлебом, во-вторых, продукты земледелия нашли бы сбыт и в соседней Монголии. С общей точки зрения, кроме того, для нас несравненно полезнее, чтобы к нашим соседям проникал русский элемент в виде оседлого, земледельческого населения, а не полубродячих торговцев, которые сами вместо того, чтобы культивировать сойот, превращаются в полудикарей (*Клеменц* 1892: 10).

В дальнейшем Дмитрий Александрович неоднократно касался практических вопросов освоения Центральной Азии. По его мнению, русское продвижение в этот регион обязательно должно быть обеспечено защитой со стороны государства. Несмотря на важность Центральной Азии в геополитическом противостоянии с Великобританией, Цинским Китаем, а позже и Японией, она оставалась одной из наименее изученных областей, что приводило к серьезным ошибкам в оценке перспектив распространения русского влияния. Поэтому деятельность Клеменца играла значительную роль в формировании направления имперской политики, что сближало его с представителями “правительственной” этнографии. Как указывает О.А. Милевский:

Он своими работами не только способствовал привлечению внимания российских властей к этому району Внутренней Азии, но одним из первых обозначил его военно-стратегическое значение для России в случае осложнения геополитической ситуации на Дальнем Востоке. Более того, в своих работах Д.А. Клеменц наметил и наиболее важные векторы экономического освоения этого края, которые могли бы послужить дальнейшей более глубокой интеграции Тывы в состав Российской империи (*Милевский* 2015: 220).

Сибиряковская экспедиция как проект “интеллигентской” этнографии. Казалось бы, можно говорить о перерождении бывшего революционера-народника в лояльного правительственного чиновника (что ранее произошло с близким товарищем Клеменца — Львом Александровичем Тихомировым). Однако незадолго до того, как Дмитрий Александрович оставил пост правителя дел ВСОИРГО, он выступил в качестве организатора одного из крупнейших научных проектов по изучению Восточной Сибири — так наз. Сибиряковской (Якутской) экспедиции, предпринятой на средства Сибирякова¹¹. Из-за того, что объектом изучения вновь должны были стать “свои”, Клеменц отказывается от ориенталистской риторики, рассматривая население Якутии так же, как прежде — русских приисковых рабочих Енисейской губ. или крестьян Центральной России.

Идея организации длительного исследования быта инородцев Якутской обл. возникла у Сибирякова около 1889 г. Изначально он обратился к Г.Н. Потанину, а потом, по предложению последнего, к А.В. Адрианову. Судя по одному из писем Адрианова, уровень осведомленности Иннокентия Михайловича о регионе, который интересовал промышленника в экономическом отношении, был крайне низок: “Из его слов я убедился, что он о крае не имеет никакого представления; так, он полагал, что якутов тысяч 5 и был оч[ень] изумлен, когда я сказал ему, что их считают до 220000 челов[ек], да тунгусов более 10000” (*Адрианов* 2007: 132). В силу определенных обстоятельств Адрианов так и не

смог приступить к организации экспедиции. Проект мог оказаться под угрозой срыва, если бы не инициатива Клеменца¹².

Поскольку Сибиряков уже обращался к услугам Клеменца, он согласился профинансировать экспедицию в Якутскую обл., поставив для этого минимальные условия: руководство должен был осуществлять Дмитрий Александрович, а основная задача — состоять в исследовании условий жизни инородцев (*Сибиряков* 1916: 160).

Изначально экспедиция должна была носить прикладной характер: собирать сведения, которые позволили бы улучшить быт якутов и тунгусов (эвенков), и пр. Но уже в ходе ее проведения участники экспедиции сделали уклон в сторону исследований, на основе которых они могли построить определенные теоретические выводы, которые, однако, впоследствии не были учтены при принятии управленческих или экономических решений (как и результаты предыдущих “интеллигентских” исследований Клеменца). Так, Сергей Васильевич Ястремский на основании анализа лингвистических данных пришел к заключению, что отделение якутов от прочих тюркских народностей произошло относительно недавно, тогда как до него считалось, что это случилось гораздо раньше (ОГКУ ГАИО: Д. 464. Л. 9об–10). Совместными усилиями нескольких исследователей был описан процесс “объясучивания” русского населения области. В основном это выражалось в утрате русской речи у значительной части крестьян, у прочих же появлялись серьезные изменения в языке (ОГКУ ГАИО: Д. 59. Л. 51об). Кроме того, нужно отметить немаловажное наблюдение Наума Леонтьевича Геккера, одного из участников экспедиции: говоря о явно выраженной метисации, он выделил четыре расовых типа: тюрко-монгольский, монгольско-тюркский, якутско-русский и русско-якутский (ОГКУ ГАИО: Д. 59. Л. 63об–64).

Тем не менее, некоторые данные, собранные в ходе экспедиции, были использованы администрацией (а именно — губернатором Якутской обл.):

Исследования ее участников, в частности Л.Г. Левенталя, И.И. Майнова и др., были использованы при подготовке реформы системы земельных отношений, зафиксированной в Инструкции “О порядке уравнительного распределения в наслеге (или селении) земель между обществниками в соответствии с податными и повинностными платежами”, опубликованной в 1899 г. <...> Опираясь на замечания участников Сибиряковской экспедиции, губернатор (В.Н. Скрипицын. — *А.П.*) в 1895 г. обратился к иркутскому генерал-губернатору с предложением произвести подробное статистическое исследование края в рамках переписи 1897 г. (*Архипова* 2011: 115).

Роль Клеменца в организации экспедиции сразу была оценена по достоинству. Лучшее всего об этом сказал Мартыанов: “Много, очень много Вы сделали для науки <...> Организацией Якутской экспедиции золотыми буквами вписали свое имя в историю науч[ных] исследов[аний] Сибири!” (АМКМ 2: Л. 96а–96). Безусловно, если бы не титанические усилия Дмитрия Александровича, который не только договорился о финансировании экспедиции, но и подобрал состав участников, обеспечил ее административной поддержкой и т.д., то это грандиозное мероприятие просто не состоялось бы. Дело в том, что Сибиряков, отвечавший за финансовую сторону предприятия, напрямую не хотел взаимодействовать с Восточно-Сибирским отделом, говоря о его сильной зависимости от административной власти, хотя при этом готов был сотрудничать с центральным отделением ИРГО и лично с его фактическим руководителем П.П. Семеновым-Тян-Шанским (*Сибиряков* 1916: 158). Поэтому все переговоры с губернскими властями взял на себя Клеменц. Так при организации Сибиряковской экспедиции обозначилась возможность сочетания “государственного” и “интеллигентского” подходов в российском народоведении.

От “правительственной” к “академической” этнографии. После переезда Клеменца в Санкт-Петербург¹³ (1899 г.) Центральная Азия продолжала оставаться в центре его научных интересов. Помимо участия в ряде экспедиций по этому региону, на основании

обширного этнографического материала им была предпринята попытка пересмотра теории происхождения и эволюции хозяйства и сформулированы практические рекомендации. В 1903 г. в газете “Санкт-Петербургские ведомости” им был опубликован цикл статей “Заметки о кочевом быте”¹⁴, который стал первой попыткой Клеменца проявить себя в качестве ученого-теоретика.

В этом очерке он выступил с критикой устоявшейся схемы “охота—скотоводство—земледелие”¹⁵, указав, что “кочевой быт даже и для старого континента представляет явление частное” (*Клеменц* 1908а: 9), не являясь универсальной стадией развития хозяйства. Но при этом ученый указывал на огромное значение кочевого быта:

Он, во-первых, дал возможность утилизировать сухие степи и кормить на них гораздо более обширное население, чем было раньше, дал возможность селиться людям крупными группами. Затем среди кочевых племен очень рано матриархальный быт заменился патриархальным и развил до громадных размеров родовой быт. Кроме того, он развил целый ряд ремесел по обработке продуктов своих стад. Этим дело не оканчивается, кочевой быт обеспечивает человеку досуг, дающий возможность заниматься человеку предметами, будащими его любознательность (*Клеменц* 1908а: 13).

Из этого Дмитрий Александрович делает практический вывод: несмотря на то, что многие считают земледелие высшей формой хозяйства, кочевое скотоводство является экономически целесообразным. В качестве примера он приводил использование Великобританией Австралии и Новой Зеландии в качестве колоний по производству мяса в промышленных масштабах, а также Швейцарию, где к кочевому скотоводству были применены современные технологии, позволявшие увеличить производство молочных продуктов (*Клеменц* 1908а: 20–22). Однако в данном случае он совершил серьезную теоретическую ошибку, легко объяснимую отсутствием специального образования: смешал понятия “кочевничества” и “скотоводства” (пастбищного в случае с Австралией и отгонного в Швейцарии). Для Клеменца, судя по всему, главным признаком кочевого образа жизни было именно скотоводство, что и привело его к подобному заблуждению.

Далее в своем цикле статей Дмитрий Александрович описывает ситуацию с кочевыми скотоводами Российской империи, подвергнув критике проект перевода их на оседлость. Само появление подобных идей он связывал со слабой изученностью кочевого быта как особого образа жизни: «Теоретики-ученые как-то мало интересовались им; практические деятели смотрели на него, как на необходимое зло, как на несовершенную форму быта, и все их помышления и мероприятия сводились только к одному — перевести их поскорее в оседлый быт, “приучить” к земледелию» (*Клеменц* 1908а: 32). Описав все прошлые попытки перевода кочевников Сибири и Центральной Азии на оседлость, он резюмировал:

...кочевой быт и возникает, и изменяется в зависимости от целого ряда условий, которые не создаются по воле человека, и что в некоторых случаях нельзя создать новой формы быта вместо кочевого, что при некоторых обстоятельствах исконный земледelec превращается в скотовода и, наоборот, что урезка земель, стеснение кочевков создает не земледелие, а нищету, наконец, что в некоторых случаях разведение скота для пользования молочными продуктами, убойным мясом, шерстью и т.д. является по существу наиболее выгодной формой хозяйства (*Клеменц* 1908а: 40).

С точки зрения Клеменца, вместо того, чтобы стремиться привести кочевников к оседлости, необходимо создать такие условия, при которых кочевой быт принесет ощутимую выгоду: удешевление мяса и молока для городских жителей, использование шерсти и кожи в легкой промышленности, поставки лошадей для армии и т.д. Также он предлагал сохранять не только традиционный способ хозяйствования, но и традиционные социальные отношения, поскольку они тесным образом связаны с особенностями кочевого быта.

Даже будучи главой научного учреждения – Этнографического отдела Русского музея, – в отношении фронта Клеменц вел себя как “правительственный” этнограф. Опираясь на данные, полученные им в экспедициях к бурятам, он вновь обратился к идее “агентов влияния”. Отвечая на статью Модеста Николаевича Богданова (этнического бурята), полную пессимизма по поводу перспектив развития бурятской культуры, Клеменц указывал: “через бурят легче всего открыть доступ европейской культуре в монгольские степи. Это, с одной стороны, ближайший путь для культуры в монгольские степи, с другой, приобщение к европейской цивилизации монголов будет выгодно для самих бурят” (*Клеменц* 1907а: 22). Предпосылкой для этого являлось то, что для бурят был полностью открыт доступ к русской культуре, а через нее – к европейской. Благодаря родству бурят с монголами по языку и верованиям проникновение в Монголию достижений русской культуры могло стать более простым и успешным. Но при этом, как указывал Клеменц, необходимо, чтобы буряты не “обрусевали”, а сохраняли свою идентичность, поскольку в противном случае они утратят культурное родство с монголами и не смогут выступать в качестве “агентов влияния”. Соответственно, нужно всячески поощрять развитие буддизма у бурят, создавать бурятскую национальную литературу и сохранять их традиционный кочевой образ жизни.

В представлении Клеменца “использование” бурят для распространения русского влияния в Монголию было не только возможно, но и необходимо, поскольку в противном случае “культура разовьется среди монголов, но придет она или от японцев непосредственно или через посредство Китая с закваской враждебного отношения к нам. Ученики немцев и англичан, японцы своей целью поставят господство над монголами непосредственно или через китайцев” (*Клеменц* 1907а: 22). Бурятское же влияние носило бы исключительно культурный характер, в результате чего степные народы Монголии и Центральной Азии стали бы тяготеть к России. Здесь произошло слияние геополитических взглядов ученого с его представлениями о необходимости использования этнографических данных в практических целях.

Будучи выходцем из народнического движения, Клеменц считал, что достижения науки должны служить улучшению жизни народа. Во время пребывания в сибирской ссылке и после ее окончания он проводил этнографические исследования, стремясь давать конкретные рекомендации как для сибирских промышленников (изучая быт приисковых рабочих или влияние русского освоения Якутии на жизнь коренных народов), так и для представителей имперской администрации (выступая в качестве геополитика, стремящегося к распространению русского влияния в Центральной Азии). В первом случае Клеменц действовал как представитель “интеллигентского” направления в этнографии, не стремясь контактировать с правительством и избегая ориенталистской терминологии. Но если объекты изучения оказывались вне территории Российской империи (или на границах с другими державами), он принимал сторону представителей царского правительства, более того, являлся активным проводником “государственной” линии в этнографии, используя соответствующую риторику.

Войдя в круг “академического” народоведения, Клеменц предпринимал усилия по созданию теоретической базы, которая могла бы стать основой для выработки практических рекомендаций для царского правительства. В конце 1900-х годов он продолжал расширять свое знакомство с передовыми теориями западноевропейской науки. Так, он участвовал в переводе сочинения Генриха Шурца “История первобытной культуры”, для которого также написал предисловие (*Клеменц* 1907б), перевел сочинение Августа Генри Кина “Этнология” (которое, к сожалению, не было опубликовано), вел переговоры о переводе сочинения Жозефа Денекера “Человеческие расы”. Но, став частью научного сообщества, Клеменц встретил пренебрежительное отношение к своим исследованиям со стороны власти: все его предложения по поводу сохранения кочевого образа жизни у сибирских инородцев были полностью проигнорированы.

Таким образом, на протяжении своей жизни Клеменцу довелось побывать в каждой из трех групп акторов российского народоведения. Как интеллигент-революционер он проводил исследования быта приисковых рабочих, коренного населения Енисейской губ. и Якутской обл., результатами которых он, следуя своим убеждениям, не делился с властью. Добытое таким образом этнографическое знание предназначалось в первую очередь для заказчиков этих исследований – сибирских промышленников, целью которых было увеличение прибыли, в том числе и за счет улучшения быта рабочих. Многие результаты этих исследований так и не были опубликованы, в первую очередь из-за отсутствия финансирования. Будучи правителем дел ВСОИРГО, Клеменц не стал автоматической частью “правительственной” группы, но, если его исследования касались имперского фронта, он представал в качестве “агента колониализма”. Перенял Дмитрий Александрович и определенное отношение к представителям академической науки, считая их деятельность слишком далекой от реальных нужд государства. Но при этом, если объектом изучения становилось население Российской империи, Клеменц вновь вел себя как интеллигент-народник. Наконец, войдя в академическое сообщество, Дмитрий Александрович пытался донести до власти результаты своих теоретических исследований, которые, в свою очередь, игнорировались, если не касались фронта.

Таким образом, процесс создания этнографического знания в Российской империи выходит за рамки теории ориентализма, которая оказывается применима только к исследованиям фронта. В том случае, если речь шла о внутренних областях государства и в их изучении не были задействованы представители академической науки, этнография развивалась фактически независимо от власти, используя риторику, не связанную напрямую с колониализмом и ориентализмом.

Примечания

¹ Хотя Найт говорит о том, что “большинство ученых-практиков в сфере востоковедения определяют себя в терминах предмета своих исследований – тюркологи, синологи, индологи, арабисты, иранисты или как специалисты по буддизму, исламу, шаманизму и так далее” (Найт 2005: 335), он, в свою очередь, также подразумевает некоторое единство этих исследователей.

² У истоков как статистических комитетов, так и ИРГО стояли в основном чиновники из МВД, высокие военные чины (морские и сухопутные) и, в меньшей степени, деятели академической науки. Хотя в дальнейшем в работе этих структур принимали участие многие выдающиеся этнографы и географы, лишь некоторые из них прошли через систему университетского образования, тем более по направлениям, связанным с народоведением (историко-филологическому или востоковедческому). Указанные обстоятельства позволяют считать эти учреждения прежде всего агентами имперской власти. Если статкомитеты должны были, в первую очередь, изучать лояльных подданных империи (подробнее об их деятельности см.: Бердинских 2003), то отделения ИРГО – жителей фронта, о чем свидетельствует сама география их возникновения (первыми были открыты представительства в Тифлисе и Иркутске, затем в Оренбурге, Вильно, Киеве, Омске, Хабаровске и Ташкенте). По мере освоения фронта масштабные экспедиции сворачивались, а финансирования отделений ИРГО едва хватало на текущие расходы. Исследования центральных областей империи, организованные ИРГО, как правило, носили прикладной характер и проводились по инициативе представителей власти (например, Литературная экспедиция 1855–1857 гг.; см.: Токарев 1966: 232–233).

³ Практически все университетские кафедры всеобщей и российской истории были заняты представителями западничества, которые обосновывали политику властей по включению в состав империи народов Востока, видя в этом в определенном смысле “бремя белых”. Славянофилы же часто шли на контакт с властью в связи с проведением в жизнь панславистского направления имперской геополитики, например, при организации Славянского съезда 1867 г. Но при этом представители обоих направлений были недовольны отношением правительства к национальному вопросу и критиковали его (западники – за слабое внимание к просвещению “простого народа”, славянофилы – за недостаточное познание русского большинства империи).

⁴ Подобно многим этнографам своего поколения (Д.Н. Анучину, Д.А. Коропчевскому, Н.Н. Миклухо-Маклаю и др.), Клеменц не получил гуманитарного образования, что не помешало ему в дальнейшем заниматься народоведческими исследованиями. Во время обучения на математическом факультете Казанского университета (1867–1868) помимо специальных дисциплин он увлекался естественными науками и социологией. После переезда в столицу и зачисления на математический факультет Санкт-Петербургского университета Клеменц продолжал углублять свои знания во всех этих областях и, кроме того, заинтересовался историей. В мае 1872 г. он должен был держать выпускной экзамен, до которого был допущен после окончания четырехлетнего курса обучения. Однако к тому времени он уже полностью погрузился в революционную деятельность и отказался от его сдачи. Тем не менее полученных знаний Клеменцу хватало для того, чтобы в дальнейшем успешно осуществлять геологические, ботанические, археологические и этнографические исследования. Однако именно в силу широты сферы интересов специальных работ по этнографии им было написано относительно немного (*Клеменц* 1888в; 1889; 1907а; 1907б; 1908а; 1908б; *Клеменц, Хангалов* 1910; *Klementz* 1910; *Klementz* 1913), хотя значительное число этнографических сведений содержалось в его путевых заметках, в разное время публиковавшихся на страницах газеты “Восточное обозрение”.

⁵ Столь неординарная фигура не могла не привлечь внимания исследователей, и первые работы о Клеменце появились сразу после его смерти. По большей части они строились на личных впечатлениях авторов, а потому затрагивали только некоторые аспекты его деятельности. В советское время сложился устойчивый образ Клеменца-революционера, который вел борьбу с самодержавием даже в ссылке и во время службы в официальных учреждениях. Его научная и организаторская деятельность воспринималась скорее как некое дополнение к революционной и считалась основанной на неверном, немарксистском понимании общественного развития. Образ Клеменца в современной историографии также является односторонним. По большей части авторы игнорируют либо лишь упоминают эпизоды из его революционного прошлого, представляя Дмитрия Александровича активным музейным работником, сотрудником Музея антропологии и этнографии и заведующим Этнографическим отделом Русского музея, участником многих экспедиций по сбору музейных коллекций (более подробно об истории изучения личности Клеменца см.: *Литвинчук, Панченко* 2014).

⁶ Он был арестован в 1879 г., но дело его рассматривалось в течение двух лет. Только в 1881 г. Клеменц был выслан в Якутскую обл. сроком на пять лет. По состоянию здоровья место ссылки было заменено на г. Минусинск Енисейской губ.

⁷ За свою недолгую жизнь Иннокентий Михайлович пожертвовал несколько миллионов рублей на нужды приисковых рабочих и дело организации научного изучения Сибири; значительные суммы он выделял на стипендии учащимся сибирякам. Также около 2,5 млн рублей он пожертвовал на нужды церкви (*Шорохова* 2005).

⁸ Был подготовлен рукописный текст “Об экономическом положении приисковых рабочих” (АВ ИВР РАН), работу над которым Клеменц планировал завершить к 1890 г. Однако эти планы так и не были осуществлены. Отдельные наработки были опубликованы в виде статей в газете “Восточное обозрение” за 1891–1892 гг. Следует отметить, что Клеменц предпочитал печататься на страницах общественно-политических, а не специализированных научных изданий. Почти все его статьи и заметки в “Известиях ИРГО” представляют собой либо отчеты об экспедициях, либо публикацию собранного материала (за исключением трех статей о бурятах, которые были написаны в последние годы жизни). Этому может быть два объяснения. Во-первых, вплоть до 1900-х годов Клеменц очень скромно оценивал свои способности как этнографа, поскольку не имел ни специальной подготовки, ни должного опыта. В своей первой публикации в “Известиях Восточно-Сибирского Отдела ИРГО” (*Клеменц* 1888в) он специально оговорил, что является лишь собирателем. Это, однако, не убергло его от критики со стороны С.К. Кузнецова — библиотекаря Томского университета. Столь печальный опыт, возможно, оттолкнул Клеменца от изложения собственных взглядов на страницах научных изданий. Во-вторых, формат газетной публикации был близок Клеменцу как активному участнику освободительного движения. Именно через газеты и, в меньшей степени, журналы можно было высказывать идеи и предложения, рассчитанные на широкую публику, в т.ч. и на представителей государственной власти. При этом необходимо отметить, что, хотя Клеменц и проводил часть исследований “по заказу”, в публикации своих работ он оставался полностью независимым, не стремясь угодить ни “заказчику”, ни властям.

⁹ В 1890 г. Клеменц переехал из Томска в Иркутск, где был избран членом Восточно-Сибирского Отдела ИРГО. В следующем году он занял пост правителя дел ВСО, став его фактическим руководителем, где проявил себя не только как талантливый исследователь, но и как организатор науки и музейный работник.

¹⁰ Нужно отметить, что у обоих исследователей Центральной Азии были непростые отношения с петербургской и московской академической наукой: статьи и очерки Пржевальского подвергались критике за их поверхностность и ненаучность, а Клеменц сам критиковал центральные академические учреждения за их удаленность от реальных нужд регионов и неспособность перейти от теоретических построений к практике.

¹¹ К началу 1890-х годов, несмотря на значительное число специальных экспедиций и трудов отдельных энтузиастов, комплексного этнографического изучения Якутской обл. не проводилось. Крупные экспедиции организовывались при поддержке Академии наук с привлечением ученых из европейской части России или Европы, но слабое знакомство с языком местного населения в значительной мере снижало ценность их наблюдений. В то же время более глубокие исследования, проводимые людьми, проживающими в Якутии длительное время, носили локальный характер и не могли дать целостной картины жизни различных народов, населяющих область (*Николаев* 1913). Создание такой картины было необходимым в начале масштабного промышленного освоения края, которое оказывало серьезное влияние на местное население. Именно это и привело Сибирякова к мысли об организации крупной экспедиции в Якутию.

¹² Помимо Адрианова, Сибиряков обращался еще к нескольким ученым – В.И. Еланину (Красноярск), А.И. Ивановскому (Петербург), А.К. Кузнецову (Томск), но они также отвергли его предложение. Только после этого Сибиряков решил обратиться к Клеменцу, который не только не отказался, но и взял на себя все заботы по организации экспедиции (в том числе и по согласованию с властями).

¹³ Изначально Клеменц стал сотрудником Музея антропологии и этнографии, а в 1902–1910 гг. занимал пост заведующего Этнографическим отделом Русского музея Императора Александра III. Этот период его деятельности можно назвать “академическим”.

¹⁴ Переиздан в журнале “Сибирские вопросы” № 49–52 за 1908 г.

¹⁵ Кроме того, Клеменц подверг критике предположение, что самой ранней стадией развития хозяйства может быть собирательство, отметив, что в чистом виде оно не существует ни у одного из известных народов. Вместо этого он предложил использовать термины “низший” и “высший” тип охоты. Также Клеменц выделил различные типы кочечевого скотоводства: таборный (постоянное кочевание без строго установленных маршрутов), циклический (от зимника к летнику) и горный (вертикальный – с гор в низину и обратно).

Источники и материалы

АВ ИВР РАН – Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук. Ф. 28. Оп. 1. Д. 164.

Адрианов 2007 – Письмо А.В. Адрианова Г.Н. Потанину от 19 ноября 1889 г. // *Адрианов А.В.* “Дорогой Григорий Николаевич...”: письма Г.Н. Потанину / Сост., публ. Н.В. Васенькин. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. С. 131–134.

АМКМ 1 – Архив Минусинского краеведческого музея. ОФ.10681 /5.

АМКМ 2 – Архив Минусинского краеведческого музея. Ф. 5 В.А. Ковалева.

Клеменц 1888а – Клеменц Д. К вопросу о пограничных делах // *Сибирская газета*. 1888. № 32. 1 мая. С. 4–5.

Клеменц 1888б – *Клеменц Д.* К вопросу о пограничных отношениях // *Сибирская газета*. 1888. № 42. 5 июня. С. 4–5.

Клеменц 1888в – *Клеменц Д.* Наговоры и приметы у крестьян Минусинского округа: материалы для изучения мирозерцания сибирского сельского населения // *Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества*. 1888. Т. XIX. № 3. С. 27–45.

Клеменц 1889 – *Клеменц Д.А.* Предварительные сведения об экскурсии Д.А. Клеменца в Ачинский и Канский округа // *Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества*. 1889. Т. XX. № 1. С. 43–69.

- Клеменц* 1891a – *Клеменц Д.* Голос из провинции // Восточное обозрение. 1891. № 24. 9 июня. С. 7–10.
- Клеменц* 1891b – *Д.К.* Письма с русской границы // Восточное обозрение. 1891. № 46. 10 ноября. С. 12–13.
- Клеменц* 1892 – *Д.К.* Письма с русской границы // Восточное обозрение. 1892. № 2. 12 января. С. 9–10.
- Клеменц* 1907a – *Клеменц Д.А.* Пессимизм на бурятской почве // Сибирские вопросы. 1907. № 10. С. 7–23.
- Клеменц* 1907b – *Клеменц Д.* Предисловие к русскому изданию // Шуриц Г. История первобытной культуры. СПб.: Типография книгоиздательского т-ва “Просвещение”, 1907. С. VII–XIV.
- Клеменц* 1908a – *Клеменц Д.А.* Заметки о кочевом быте // Сибирские вопросы. 1908. № 49–52. С. 7–57.
- Клеменц* 1908b – *Клеменц Д.А.* Население Сибири // Сибирь. Ее современное состояние и нужды / Под ред. И. С. Мельника. СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1908. С. 37–78.
- Клеменц, Хангалов* 1910 – *Клеменц Д.А., Хангалов М.Н.* Общественные охоты у северных бурят (зэгэгэ-аба – охота на росомых) // Материалы по этнографии России. Т. 1 / Под ред. Ф.К. Волкова. СПб.: Этнографический отдел Русского музея имп. Александра III, 1910. С. 117–154.
- ОГКУ ГАИО – Областное государственное казенное учреждение “Государственный архив Иркутской области”. Ф. 293. Оп. 1. ОЦ.
- Сибиряков* 1916 – Письмо И.М. Сибирякова к Д.А. Клеменцу // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. 1916. Т. XLV. С. 157–161.
- Klementz* 1910 – *Klementz D.* Buriats // Encyclopaedia of Religion and Ethics. Vol. III. / Ed. J. Hastings. Edinburgh: T. & T. Clark, 1910. P. 1–17.
- Klementz* 1913 – *Klementz D.* Gilyaks // Encyclopaedia of Religion and Ethics. Vol. VI / Ed. J. Hastings. Edinburgh: T. & T. Clark, 1913. P. 221–226.

Научная литература

- Архипова А.И.* Губернаторская власть и политика в отношении инородческого населения на рубеже XIX–XX вв. в Якутской области // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 4 (57). С. 114–117.
- Бердинских В.А.* Уездные историки: русская провинциальная историография. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
- Джераси Р.* Культурная судьба империи под вопросом: мусульманский Восток в российской этнографии XIX в. // Новая имперская история постсоветского пространства / Под ред. И.В. Герасимова и др. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 271–306.
- Литвинчук М.С., Панченко А.Б.* Общественный деятель, революционер или ученый – образ Д.А. Клеменца в советской и современной отечественной историографии // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 4 (31). С. 141–147.
- Милевский О.А.* География и политика: центральноазиатская проблематика в научном наследии Д.А. Клеменца // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 5 (32). С. 204–223.
- Могильнер М.* Homo impregii: очерки истории физической антропологии в России. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- Найт Н.* О русском ориентализме: ответ Адибу Халиду // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет / Под ред. О. Леонтьевой. М.: Новые границы, 2005. С. 323–343.
- Николаев В.Н.* Якутский край и его исследователи. Вып. I. Краткий исторический очерк экспедиций в Якутскую область. 1632–1913 гг. Якутск: Типография газеты “Якутская окраина”, 1913.
- Слезкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

- Тодорова М.* Есть ли русская душа у русского ориентализма? Дополнение к спору Натаниэля Найта и Адиба Халида // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет* / Под ред. О. Леонтьевой. М.: Новые границы, 2005. С. 344–359.
- Токарев С.А.* История русской этнографии (дооктябрьский период). М.: Наука, 1966.
- Федорова В.И.* Революционный народник, ученый и просветитель Д.А. Клеменц. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1988.
- Халид А.* Российская история и спор об ориентализме // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет* / Под ред. О. Леонтьевой. М.: Новые границы, 2005. С. 310–322.
- Шорохова Т.С.* Благотворитель Иннокентий Сибиряков: биографические повествования. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005.
- Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Research Article

Panchenko, A.B. D.A. Klementz and the Production of Knowledge about Peoples in the Russian Empire [D.A. Klementz i proizvodstvo znaniia o narodakh v Rossiiskoi Imperii]. *Этнографическое обозрение*, 2018, no. 2, pp. 122–136. ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Nauka Publishers

Alexey Panchenko | <http://orcid.org/0000-0002-6909-3220> | alexeypank@rambler.ru | Surgut State Pedagogical University (st. 50 let VLKSM 10/2, Surgut, Khanty-Mansi Autonomous Area, 628417, Russia)

Keywords:

D.A. Klementz, orientalism, geopolitics, internal colonization, non-Russian, narodnik movement, Central Asia

Abstract:

The article discusses the production of knowledge about peoples in the Russian Empire in the context of debates on Orientalism and internal colonization. I argue about the three specific types of actors participating in these discourses: power, academic science, and public intellectuals. I focus on the career of D.A. Klementz who, over the course of his life, was a member of each of these groups of actors. Belonging to the milieu of pro-revolutionary intellectuals, he positioned himself as acting on behalf of the people and refused to cooperate with the government when conducting ethnographic research. When he became the de facto director of a department at the Russian Geographic Society, he acted as a representative of authorities toward the people; yet, he retained the stance of a public intellectual in matters of studying the subjects of the Russian Empire. Upon his appointment to the position of director of the Ethnography Department at the Russian Museum, he came to face the disapproval of his ethnographic theories by authorities.

DOI: 10.7868/S0869541518020094

References

- Arkhipova, A.I. 2011. Gubernatorskaia vlast' i politika v otnoshenii inorodcheskogo naseleniia na rubezhe XIX–XX vv. v Yakutskoi oblasti [Governors' Power and Policies toward non-Native Peoples at the Turn of the 19th–20th Centuries in the Yakutsk Region]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* 4 (57): 114–117.
- Berdinskikh, V.A. 2003. *Uezdnye istoriki: russkaia provintsial'naia istoriografiia* [Local Historians: The Russian Provincial Historiography]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Etkind, A. 2013. *Vnutrenniaia kolonizatsiia. Imperskii opyt Rossii* [Internal Colonization: Russia's Imperial Experience]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Fedorova, V.I. 1988. *Revoliutsionnyi narodnik, uchenyi i prosvetitel' D.A. Klementz* [The Revolutionary Narodnik, Scholar, and Educator]. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo Krasnoyarskogo universiteta.

- Geraci, R. 2004. Kul'turnaia sud'ba imperii pod voprosom: musul'manskii Vostok v rossiiskoi etnografii XIX v. [The Cultural Destiny of the Empire under Scrutiny: The Muslim East in the 19th-Century Russian Ethnography]. In *Novaia imperskaia istoriia postsovetskogo prostranstva* [The New Imperial History of the Post-Soviet Space], edited by I.V. Gerasimova et al., 271–306. Kazan: Tsentr issledovaniia natsionalizma i imperii.
- Khalid, A. 2005. Rossiiskaia istoriia i spor ob orientalizme [Russian History and the Debate on Orientalism]. In *Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi istoriografii. Raboty poslednikh let* [The Russian Empire in Foreign Historiography: Latest Works], edited by O. Leontieva, 310–322. Moscow: Nove granitsy.
- Knight, N. 2005. O russkom orientalizme: otvet Adibu Khalidu [On Russian Orientalism: A Reply to Adeeb Khalid]. In *Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi istoriografii. Raboty poslednikh let* [The Russian Empire in Foreign Historiography: Latest Works], edited by O. Leontieva, 323–343. Moscow: Nove granitsy.
- Litvinchuk, M.S., and A.B. Panchenko. 2014. Obshchestvennyi deiatel', revoliutsioner ili uchenyi – obraz D.A. Klementsа v sovetskoi i sovremennoi otechestvennoi istoriografii [A Public Figure, Revolutionary, or Scholar – the Image of D.A. Klementz in the Soviet and Present-Day Russian Historiography]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* 4 (31): 141–147.
- Milevskii, O.A. 2015. Geografiia i politika: tsentral'noaziatskaia problematika v nauchnom nasledii D.A. Klementsа [Geography and Politics: Central Asian Issues in the Scholarly Work of D.A. Klementz]. *Problemy natsional'noi strategii* 5 (32): 204–223.
- Mogilner, M. 2008. *Homo imperii: ocherki istorii fizicheskoi antropologii v Rossii* [Homo Imperii: Essays on the History of Physical Anthropology in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Nikolaev, V.N. 1913. *Yakutskii kraj i ego issledovateli. Vol. I, Kratkii istoricheskii ocherk ekspeditsii v Yakutskuiu oblast'. 1632–1913 gg.* [The Yakut Region and Its Researchers. Vol. I, A Brief Historical Essay on Trips to the Yakut Region, 1632–1913]. Yakutsk: Tipografiia gazety "Yakutskaiia okraina".
- Schimmelpenninck van der Oye, D. 2009. *Navstrechu Voskhodiashchemu solntsu: kak imperskoe mifotvorchestvo privelo Rossiiu k voine s Yaponiei* [Toward the Rising Sun: How the Imperial Myth-Making Led Russia to the War with Japan]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Shorokhova, T.S. 2005. *Blagotvoritel' Innokentii Sibiriakov: biograficheskie povestvovaniia* [The Benefactor Innokentii Sibiriakov: Biographical Narratives]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
- Slezkine, Yu. 2008. *Arkticheskie zerkala: Rossiia i malye narody Severa* [Arctic Mirrors: Russian and Small Peoples of the North]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Todorova, M. 2005. Est' li russkaia dusha u russkogo orientalizma? Dopolnenie k sporu Natanielia Naita i Adiba Khalida [Is There a Russian Soul?: An Addendum to the Debate between Nathaniel Knight and Adeeb Khalid]. In *Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi istoriografii. Raboty poslednikh let* [The Russian Empire in Foreign Historiography: Latest Works], edited by O. Leontieva, 344–359. Moscow: Nove granitsy.
- Tokarev, S.A. 1966. *Istoriia russkoi etnografii (dooktiabr'skii period)* [A History of the Russian Ethnography (Pre-Revolutionary Period)]. Moscow: Nauka.